

КООПЕРАЦИЯ И ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЕ ЗАГОТОВКИ В СИБИРИ В ПЕРИОД «ВОЕННОГО КОММУНИЗМА»

Владислав Геннадьевич Кокоулин

Новосибирское высшее военное командное училище, 630117, Россия, г. Новосибирск, ул. Иванова, 49, доктор исторических наук, доцент, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, тел. (953)762-10-84, e-mail: kwladislaw@yandex.ru; Сибирский университет потребительской кооперации, 630087, Россия, г. Новосибирск, пр. К. Маркса, 26, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета

В статье рассматривается роль и место кооперации в продовольственных заготовках в Сибири в начальный период «военного коммунизма». В исторической литературе сложился устойчивый стереотип, что заготовки в Сибири велись исключительно в виде разверстки, до введения которой зерно на ссыпные пункты поступало «самотеком». На основании анализа исторических источников различного ведомственного происхождения и материалов периодической печати автор показывает, что «самотек» – это один из пропагандистских штампов той эпохи. В реальности заготовки осуществлялись тремя путями – покупкой зерна у крестьян, с помощью заготовительного аппарата Красной Армии и посредством кооперации. Научная новизна статьи состоит в раскрытии роли и места кооперации в процессе заготовок, а также выявлении причин, почему деятельность кооперации была свернута и вместо этого была введена принудительная продрозверстка.

Ключевые слова: Гражданская война, «военный коммунизм», продовольственная политика, продрозверстка, кооперация.

COOPERATION AND FOOD HARVESTING IN SIBERIA DURING THE PERIOD OF «WAR COMMUNISM»

Vladislav G. Kokoulin

Novosibirsk Higher Military Command School, 49, Ivanova St., Novosibirsk, 630117, Russia, D. Sc., Associate Professor, Department of Humanities and Socio-Economical Disciplines, phone: (953)762-10-84, e-mail: kwladislaw@yandex.ru; Novosibirsk University of Consumer Cooperation, 26, Prospect K. Marx St., Novosibirsk, 630087, Russia, D. Sc., Professor, Department of Theory and History of State and Law.

The article discusses the role and place of cooperation in food harvesting in Siberia in the initial period of “war communism”. A strong stereotype is in the historical literature formed that harvesting in Siberia was carried out exclusively in the form of the *razvjestka*, before the introduction of which grain was collected at the procurement centers with “*samotjok*”. On the basis of the analysis of scientific sources of various departmental origin and materials of the periodical press, the author shows that “*samotjok*” is one of the propaganda cliches of that era. In reality, harvesting was carried out in three ways – the purchase of grain from the peasants, with the help of the procurement apparatus of the Red Army and through cooperation. The scientific novelty of the article is to reveal the role and place of cooperation in the process of harvesting, as well as to identify the reasons why the activity of cooperation was curtailed and *prodrazvjestka* was introduced.

Key words: Civil war, «war communism», food policy, *prodrazvjestka*, cooperation.

Введение

В исторической литературе, посвященной продовольственным заготовкам в Сибири в период после окончания Гражданской войны и до введения новой экономической политики, сложился устойчивый стереотип, что основным методом заготовок хлебопродуктов была продрозверстка. Исследователи признают, что она была введена не сразу, поскольку у организованных продкомов отсутствовал налаженный заготовительный аппарат. Впервые эта тема освещалась самими участниками событий. Так, омский губпродкомиссар Б. И. Монастырский, выступая в начале мая 1920 г. на заседании Омского Совета рабочих и красноармейских депутатов, признавал, что омский губпродком не мог сразу ввести продрозверстку, поскольку он не располагал данными о посевной площади и запасах хлеба у крестьян. Одновременно он заявил, что первое время в этом не было необходимости, поскольку учитывалось «общереволюционное настроение крестьян», которые привозили хлеб в обмен на новые деньги в связи с аннулированием колчаковских дензнаков. Подобную ситуацию Б. И. Монастырский охарактеризовал как «самотек» [5, оп. 1, д. 1, л. 6].

Однако впоследствии отдельные историки восприняли пропагандистский штамп «общереволюционное настроение крестьян» в качестве реального факта, придали «самотеку» иное содержание, чем вкладывалось в него в середине 1920 г., и на основании этого выстроили «концепцию» о том, что сперва крестьяне везли хлебопродукты на заготовительные пункты «самотеком» под влиянием «общереволюционного настроения», а потом была введена разверстка. Ярчайшим примером такого псевдонаучного построения является работа В.И. Шишкина «Социалистическое строительство в сибирской деревне (ноябрь 1919 – март 1921 г.)» [8, с. 146–148]. Характерно, что «концепция» В.И. Шишкина была некритически заимствована в работе В.М. Рыкова и В.А. Ильиных [6, с. 107–109], в которой причудливо перемешаны исторические факты и идеологические штампы, а вместо выделения главной причины, которая определяла развитие сельского хозяйства в Сибири в эти годы, авторы глубокомысленно придают «важное значение» тому очевидному факту, что урожайность зерновых зависит от метеоусловий в России в целом, и в Сибири в частности.

Таким образом, в настоящее время назрела задача охарактеризовать те методы, которыми осуществлялись заготовки продовольствия в первый период после восстановления Советской власти в Сибири. Важное место в этом процессе занимала сибирская кооперация, имевшая не только налаженный аппарат и достаточно широкую сеть в сибирской деревне, но и многолетний опыт выполнения такой работы. Однако ее деятельность достаточно быстро была свернута, и ее заменила принудительная продрозверстка с применением вооруженной силы. Выяснению причин этого явления и посвящена данная статья. Важность исследования обусловлена также тем, что оно позволяет показать значение политических и идеологических факторов в развитии сибирской деревни в период «военного коммунизма», охватывавшего промежуток после окончания Гражданской войны до объявления новой экономической политики.

Методы и материалы

Методом исследования места и роли кооперации в продовольственных заготовках, а также причин ее устранения из хозяйственной жизни сибирской деревни, является конкретно-исторический анализ делопроизводственных и партийных документов, публикаций в периодической печати анализируемого периода, при котором четко отделяются пропагандистские и идеологические штампы и устойчивые мифы от реальных исторических фактов; выявляется главное звено, которое определяет исторический процесс на данном этапе в целом, или, по крайней мере, в его характерных сущностных моментах.

Материалами для исследования послужили делопроизводственные документы губернских продовольственных органов, ревкомов, партийных организаций, кооперации, а также публикации в периодической печати.

Результаты и обсуждение

Первоначально продовольственные заготовки в Сибири осуществлялись заготовительным аппаратом Красной Армии – особыми продовольственными комиссиями (опродкомами), но поскольку они действовали в тех же районах, что и организовывавшиеся губернские и уездные продовольственные комитеты (продкомы), то для упорядочения этой работы в течение зимы – весны 1920 г. продовольственные заготовки целиком передавались продкомам, а военные части должны были получать продукты уже на ссыпных пунктах. Первое время после аннулирования колчаковских денежных знаков, крестьяне вынуждены были сдавать продукты в обмен на новые советские денежные знаки, рассчитывая в скором времени приобрести на них промышленные товары. Однако по мере того, как крестьяне накапливали новые деньги, а реальных товаров приобрести на них не могли, они стали сокращать подвоз хлебопродуктов на заготовительные пункты. В этих условиях, для обеспечения горожан продовольствием не запрещалась свобода торговли, а для заготовок на вывоз в Европейскую Россию в качестве технического аппарата привлекалась кооперация.

Первые попытки запрещения деятельности кооперации сразу показали неэффективность советского продаппарата. Так, в Новониколаевске через несколько дней после освобождения города от белых решением ревкома были закрыты все кооперативные магазины и склады, начат учет всех товаров, сокрытие товаров объявлялось «воровством» и все виновные отдавались под суд. Однако уже 20 декабря на заседании Новониколаевского ревкома в присутствии председателя Сибревкома И.Н. Смирнова было решено привлечь кооперацию к продовольственной работе и обещалось всякое содействие кооперативным организациям, «пострадавшим от колчаковского правительства». Производственная кооперация должна была делиться с потребительской и последней ставилась задача распределения продуктов и товаров. При таком вынужденно лояльном отношении к кооперации главной задачей было поставлено «всю кооперацию слить воедино, став во главе ее». В условиях неналаженного совет-

ского продаппарата Новониколаевский ревком 2 января 1920 г. пошел еще на одну уступку кооперации, разрешив торговать ненормированными товарами [3, оп. 1, д. 7, л. 3, 6, 22].

В то же время привлечение кооперации к заготовкам продуктов для губпродкомов не оправдывало ожиданий власти. 3 февраля коллегия новониколаевского (томского) губпродкома заслушала доклад заведующего хлебным отделом И.Б. Петрашкевича. Пожаловавшись на работу опродкомдивов, которые осуществляли самостоятельные заготовки и иногда запрещали покупать хлеб агентам губпродкома, понижали или повышали твердые цены на хлеб, не соблюдая твердых цен на закупку и провоз, а иногда и вообще забирали заготовленный для губпродкома хлеб (в качестве примера он приводил случай, происшедший на станции Евсино, когда военные забрали 18 тыс. пудов овса, заготовленных губпродкомом), Петрашкевич раскритиковал работу кооперативов. Он отметил, что поскольку кредитная и производственная кооперации являются представителями интересов среднего крестьянства, они не будут настаивать на сдаче всех излишков у крестьянства. В день кооперативные организации ссыпают от 30 до 70 пудов хлеба – «цифра ничтожная», поскольку кооперация «не может и не будет производить давления на население». Далее он подчеркнул: «Никакая агитация не побудит сибирского крестьянина сдать все излишки имеющихся у него хлебных запасов. Единственное средство – это организация правительственных ссыпных пунктов, учреждение особых районных контор и всемерное усиление контроля как за контрагентами губпродкома, так и за населением». Коллегия губпродкома приняла следующую резолюцию: «Ввиду того, что кооперативные работники не пользуются уважением со стороны крестьян, как временную меру, провести организацию собственных ссыпных пунктов там, где нет кооперативных; всемерно усилить контроль через особых агентов-контролеров как над выполнением договоров кооперацией, так и над исполнением разверстки населением, о всех незаконных действиях составлять акты и протоколы и привлекать виновных к ответственности; ввести принудительные меры воздействия для исполнения приказов губпродкома» [3, оп. 1, д. 29, л. 25].

От сотрудничества с кооперацией власть тем не менее не отказалась. В феврале 1920 г. был заключен договор Новониколаевского губсовнархоза и Сибкредсоюза о продаже Сибкредсоюзом 250 тыс. пудов дубильного ивового корня по 25 руб. за пуд. Томский губсовнархоз заключил договор с Закупсбытом о заготовке кожи Закупсбытом и приемке от лиц и учреждений кожи, поступающей в распоряжение Совнархоза. 10 марта Новониколаевский гублеском и Закупсбыт заключили договор о заготовках дров в районах Новониколаевских и Нижне-Обского лесничеств. Томское районное управление водного транспорта и Центросоюз заключили договор о заготовке дров для водного транспорта [1, оп. 1, д. 424, л. 55, 57; 4, оп. 1, д. 7, л. 154, 201].

17 февраля Томский (Новониколаевский) губревком, на заседании которого присутствовали представители кооперативных организаций «Закупсбыт», «Центросоюз», «Союзбанк», «Сибкредсоюз», «Обской кооператор» и «Экономия», обсуждал взаимоотношения Советской власти и кооперации.

Сперва председатель губревкома М.Ф. Левитин предложил выслушать кооператоров.

Представитель кооперативов Макушин сообщил, что работа кооператоров протекает в стесненных условиях под давлением советских учреждений. В этих условиях работа кооперации продолжаться не может. Кооператоров часто спрашивают: «Признаешь ли Советскую власть»? И пояснил: «Кооперация, как заповорожцы, в свои ряды принимала всех. Кооперация, как организация экономическая, не справлялась о политическом кредо того или иного ее работника. Так было во все времена, так происходит и сейчас. При царе кооператоров считали революционерами, при Колчаке – саботажниками. Если Советской власти нужна кооперация, то не следует спрашивать ее политических убеждений. Если какой-то сотрудник кооперации саботирует, то с ним и необходимо бороться, а не с кооперативным учреждением, в котором он работает».

Член губревкома Г.К. Соболевский разъяснил, что кооперация не аполитична, она всегда проводила определенную политическую линию. Большинство ее членов были эсерами и выступали за Учредительное собрание. Кооперация поддерживала свержение Советской власти и финансировала эсеров и Авксентьева. В современной кооперации трудовые элементы совершенно не представлены. Губревком будет принимать меры к перевыборам верхушки кооперации и к полной реорганизации всей кооперативной работы в целях слияния ее с советским продовольственным аппаратом.

Вновь выступил Макушин, сказав, что кооперация не политическая партия, она не может уйти в подполье, чтобы сохранить верность идее. Она вынуждена приспособливаться, чтобы работать для своих членов. Она могла бы сохранить «чистоту» при Колчаке, но от этого пострадало бы трудовое население, которое она обслуживала. Перестройка кооперации возможна, но только эволюционным путем и только руками кооператоров, поскольку «это слишком хрупкий и сложный аппарат хозяйственной жизни». Она признает Советскую власть. Надо отказаться от карательной политики по отношению к кооперации, но явных контрреволюционеров из числа кооператоров, как заверял Макушин, никто защищать не будет.

Подводя итоги дискуссии председатель губревкома сказал, что кооперация имеет разветвленные связи с широкими слоями крестьян, но в то же время в кооперации «приютились элементы, которые прежде боролись с Советской властью». Необходимо знать, что происходит в кооперации, чтобы в трудную минуту не иметь контрреволюционного гнезда, поэтому «нужно оздоровить кооперацию, чтобы она могла выполнить задачу, поставленную Советской властью». Отсюда вытекает задача поставить кооперацию под контроль Советской власти, а губчека будет преследовать тех, кто выдавал и расстреливал советских работников, но никто не собирается мстить кооперации. Она должна стать «государственным заготовительным и распределительным аппаратом, как бы подсобным советским подорганом» [3, оп. 1, д. 7, л. 98 – 100].

Резкая критика в отношении кооперативов прозвучала на заседании Томского (Новониколаевского) губревкома 28 февраля. Отмечалось, что «коопера-

тивы слишком связаны с колчаковщиной своим прошлым», и агенты у них те же, что были и при Колчаке, поэтому крестьянство относится к таким кооперативным заготовкам недоверчиво и продукты везет неохотно. Опродкомы, наоборот, по мнению выступавшего, на слабый подвоз отнюдь не жалуются и это обстоятельство ясно указывает, что крестьянство не прочь сдать свои запасы государству, и там где оно уверено, что эти запасы попадут в армию, оно охотно их сдает. Спекулянтам же, поставленным на кооперативных заготовительных пунктах, оно не везет. Поэтому, настаивал докладчик, пути работы опродкомов более правильны, так как опродкомы ведут закупки через продотделы волревкомов, которые и производят раскладку по волости – путь правильный, так как намечен законом. По его мнению, политика губпродкома «заставит голодать нас в стране, богатой продуктами». Далее Фельдман стал настаивать на том, что «все контракты, заключенные с кооперативами, надлежит порвать и в корне изменить продовольственную политику, введя учет и разверстку, иначе нам грозит голод и, как следствие, развитие контрреволюционных настроений» [3, оп. 1, д. 7, л. 112].

Однако без кооперации оказалось невозможным вести продовольственную работу. Кооперативным организациям были выделены денежные средства. 9 марта коллегия томского губпродкома заслушала доклад представителя Сибкредсоюза Мякишева. Он сообщил, что заготовительная работа идет удовлетворительно. Работа лучше идет по Новониколаевскому уезду, так как этот уезд является хлебным районом и в нем раньше установился порядок. К маю возможно заготовить до 3 млн пудов хлеба и около 3 млн пудов овса. В Томском и Кузнецком уездах дело заготовок обстоит хуже, поскольку эти уезды больше потребляющие, чем производящие. Правильному ходу заготовок препятствует отсутствие мелких денежных знаков, низкая нормировочная цена на пшеницу, заготовки хлеба воинскими частями по цене выше нормировочной, эпидемия тифа и натуральные повинности населения [3, оп. 1, д. 29, л. 72].

Для координации взаимодействия с кооперацией в томском губпродкоме был создан кооперативный отдел. 16 марта на его заседании обсуждались причины существенного падения ссыпки хлеба: за сутки на ссыпные пункты крестьяне подвозили в общей сложности всего несколько пудов зерна. После длительной дискуссии было принято постановление о том, что поскольку кооперативный аппарат «широко раскинутый и налаженный» вполне может принимать от населения «громадное количество хлебо-фуражных и мясных продуктов», а причина неуспеха лежит вне аппарата кооперации, поэтому необходимо было принять все меры к тому, чтобы хлебо-фуражные и мясные продукты принимались на пунктах кооперативных организаций, поскольку они технически наиболее приспособлены к этому. Было составлено обращение к губфинотделу с просьбой снабдить контрагентов губпродкома, Центросоюза и Сибкредсоюза мелкими деньгами. Губфинотдел пошел навстречу и через несколько дней коллегия томского губпродкома выдала Сибкредсоюзу 3 млн рублей мелкими знаками в обмен на купюры большего достоинства [2, оп. 1, д. 6, л. 60; д. 26, л. 104, 105].

Поскольку заготовки хлеба Сибкредсоюзом оказались успешными с первых же дней, 30 марта коллегия томского губпродкома выдала этому кооперативному объединению 5 млн руб. авансом [2, оп. 1, д. 6, л. 98].

Если судить по выступлениям сибирских руководителей и газетным публикациям в «Советской Сибири», то можно отчетливо увидеть, что власть воспринимала кооперацию как временное переходное явление, исходя при этом не из экономической целесообразности или выгоды, а из партийно-политических установок. Вот, к примеру, выступление члена Сибревкома М.И. Фрумкина на омской общегородской конференции РКП(б) 11 марта. Он разъяснял, что «ликвидация частно-торгового капитала и переход к социалистической организации распределения, неизбежно предполагает максимальное использование кооперативных организаций как переходной меры к полному слиянию кооперативов с органами распределения пролетарского государства, партия поддерживает осуществление Советской властью синдицирование всех кооперативов в принудительное кооперирование все потребителей». Задачами коммунистов он видел создание фракций в кооперативах и на съездах уполномоченных с целью «завоевания» кооперации [7, 16 марта].

Итак, зимой–весной 1920 г. Советская власть в Сибири уже достаточно окрепла, но продовольственная работа налажена не была. Конечно, препятствовали этому многие факторы – отсутствие достаточного количества товаров для обмена, неналаженность продаппарата, параллельные заготовки армейских продовольственных органов, боязнь передать все заготовки кооперации, допущение вольных цен для того чтобы обеспечить продовольствием города.

Заключение

Таким образом, определяющим фактором в проведении заготовок в сибирской деревне были основные установки советской продовольственной политики в годы Гражданской войны, основу которой составляли государственная монополия важнейших продуктов питания и предметов первой необходимости, национализация торговли, классовое распределение и организация продовольственных органов на принципах диктатуры пролетариата. Все это должно было по замыслу советских руководителей привести к переходу от рыночного товарообмена к социалистическому продуктообмену. Кооперация и свободный рынок никак не вписывались в эту политику, поэтому несмотря на их экономическую целесообразность и необходимость, рассматривались как отступление, как временная мера и «неизбежное зло», с которым необходимо вести планомерную борьбу вплоть до полного уничтожения. В данном случае мы видим характерный пример обратного влияния политических и идеологических установок на экономические отношения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-32.
2. ГАО. Ф. Р-1125.

3. ГАНО. Ф. Р-1137.
4. ГАНО. Ф. Р-1359.
5. Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. Р-235.
6. Рынков В.М., Ильиных В.А. Десятилетие потрясений: сельское хозяйство Сибири в 1914 – 1924 гг. Новосибирск, 2013.
7. Советская Сибирь. Омск, 1920.
8. Шишкин В.И. Социалистическое строительство в сибирской деревне (ноябрь 1919 – март 1921 г.). Новосибирск, 1985.

© В. Г. Кокоулин, 2019